ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II
НА ПОЛЬЗУ ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ РОССІИ.

Воспитанницамъ старшихъ классовъ Одесской городской II-й женской гимназіи.

6-го Ноября 1896 года.

ОДЕССА
Типографія и Хромолитографія Е. И. Фесенко,
Ришельевская ул., соб. домъ № 47-й.
1896.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

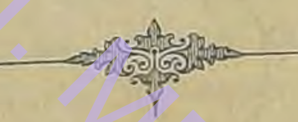
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

НА ПОЛЬЗУ ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ.

Воспитанницамъ старшихъ классовъ Одесской городской II-й женской гимназіи.

6-го Ноября 1896 года.

ОДЕССА.

Типографія и Хромолитографія Е. И. Фесенко,
Ришельевская ул., соб. домъ № 47-й.
1896.

Дозволено цензурою. Одесса, 14-го октября 1896 г.

Дѣятельность Императрицы Екатерины II на пользу женскаго образованія въ Россіи.

Сегодня минуло сто лѣтъ со времени кончины Императрицы Екатерины II, и мы посвящаемъ это утро воспоминаніямъ о ней. При такихъ воспоминаніяхъ мы обыкновенно уясняемъ себѣ значеніе дѣятельности лицъ, потрудившихся на пользу людей, воздаемъ имъ должную дань признательности за ихъ труды, за сдѣланное ими добро и такимъ образомъ способствуемъ тому безсмертію ихъ на землѣ, на которое они имѣли право надѣяться при жизни своей. Такого рода воспоминанія и чествованія важны не столько для нихъ, уже отошедшихъ въ вѣчность и не нуждающихся въ нашей земной славѣ, сколько для насъ самихъ: уясняя себѣ ихъ значеніе, мы невольно проникаемся благоговѣйнымъ уваженіемъ къ нимъ и благодарностью, одними изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ чувствъ человѣка, становимся, хотя бы и на ко-

роткое время, выше того будничнаго настроенія, въ которомъ обыкновенно находимся, и мало по малу пріобрѣтаемъ наклонность волноваться чистыми и высокими чувствами, дѣлаемся возвышеннѣе, благороднѣе, такъ какъ ни одно душевное явленіе не проходитъ безслѣдно, а хранясь въ глубокихъ тайникахъ нашего существа, составляетъ какъ бы часть его и возобновляется при благопріятныхъ условіяхъ. Иногда дѣятельность историческихъ лицъ, соотвѣтствуя нашимъ наклонностямъ и общественному положенію, можетъ служить намъ примѣромъ, образцомъ для подражанія. Такъ въ данномъ случаѣ, воспоминаніе о неустанныхъ трудахъ Императрицы Екатерины II на пользу Россіи, о великомъ служеніи ея нашему отечеству не только возбуждаетъ въ насъ чувства благоговѣнія и признательности, но дѣятельность ея, какъ воспитательницы, ея педагогическіе взгляды и стремленія могутъ имѣть большое значеніе и для васъ, такъ какъ большинству изъ васъ придется воспитывать будущія поколѣнія. Дѣятельность же эта составляетъ самую свѣтлую страницу исторіи ея славнаго царствованія. Часть этой страницы мы и прочтемъ теперь, именно ту, которая относится къ образованію русской женщины, вопросу наиболѣе для васъ важному.

Чтобы понять значеніе дѣятельности Императрицы Екатерины II на пользу образованія русской женщины, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе женскаго образованія въ Западной Европѣ и Россіи до Императрицы Екатерины II.

Дѣло женскаго образованія въ Западной Европѣ до второй половины XVIII в. находилось въ лучшемъ, чѣмъ въ Россіи, но далеко не въ завидномъ состояніи. Западная Европа раньше Россіи вступила на историческое поприще и на путь просвѣщенія; она не была задержана въ своемъ развитіи такимъ громаднымъ бѣдствіемъ, какъ татарское иго, тяготѣвшее надъ Русью около двухъ съ половиной вѣковъ; поэтому и образованіе тамъ стояло качественно и количественно выше. Оно не ограничивалось, какъ у насъ до Петра Великаго, религіозною сферою, знаніемъ книгъ церковныхъ, а заключало въ своемъ объемѣ и свѣтскую науку. Тамъ, особенно со времени возрожденія наукъ и искусствъ, было много истинно образованныхъ и ученыхъ не только среди духовныхъ, но и среди свѣтскихъ лицъ. Не удивительно потому, что и женщинъ образованныхъ тамъ было больше; что онѣ изучали и грамматику, и реторику, и философію, не говоря уже объ искусствахъ; что между ними даже еще въ IX и X вѣкахъ встрѣчаются и ученыя и писательницы. Тѣмъ не менѣе образованіе тамъ выпадало на долю немногихъ женщинъ, преимущественно изъ высшихъ или состоятельныхъ классовъ общества; оно было или монастырское или домашнее, и до XVI в. не было общественныхъ школъ даже для дѣвицъ высшихъ классовъ общества. Лишь незадолго до реформаціи появляются городскія школы для дѣвочекъ въ Любекѣ и Нюрнбергѣ, и только со времени реформаціи въ протестантскихъ государствахъ стала ощутительна потребность въ общественныхъ школахъ для дѣво-

чекъ. При допущеніи къ первому причастію (конфирмаціи), около 14 лѣтъ отъ рожденія, и отъ дѣвочекъ требовалось нѣкоторое знаніе библіи и катехизиса, а для этого необходимо было научить ихъ хотя бы только чтенію. И вотъ въ концѣ XVI в. въ Брауншвейгѣ, Страсбургѣ, Помераніи и особенно въ Саксоніи пасторы и помощники ихъ кистеры обязаны были открывать при церквахъ приходскія школы не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ и учить въ нихъ чтенію, молитвамъ, св. исторіи, катехизису, псалмамъ и церковнымъ пѣснямъ. Но такихъ училищъ было мало; они почти всѣ исчезли во время тридцатилѣтней войны и вновь открываются, сначала въ Саксоніи же, въ концѣ XVII и 1-ой половинѣ XVIII вѣка, благодаря ревностной дѣятельности такихъ проповѣдниковъ и вмѣстѣ педагоговъ, какъ Филиппъ Шпенеръ и его послѣдователь Августъ Франке; затѣмъ уже ихъ примѣру слѣдовали, ихъ школьными планами воспользовались современники Императрицы Екатерины II: въ Пруссіи Фридрихъ II и въ Австріи Марія Терезія, при которыхъ и открыты были въ ихъ государствахъ низшія женскія школы. У католиковъ обученіе дѣвочекъ съ XVI в. находилось въ рукахъ монахинь, преимущественно ордена урсулинокъ и салезіанокъ. Во Франціи, напримѣръ, до конца XVII в., кромѣ монастырей, не было иныхъ мѣстъ для образованія дѣвочекъ. Вообще во всей Западной Европѣ до половины XVIII в. было очень не много женскихъ общественныхъ школъ, да и тѣ были элементарными, школами почти одной грамотности.

Одно только закрытое учебное заведеніе по своему курсу возвышалось надъ ними; оно было основано г. Мэнтенонъ во Франціи, въ Сенъ-Сирѣ, въ 1686 г. для дѣвицъ дворянскаго происхожденія; но по смерти основательницы (въ 1719 г.) пришло въ упадокъ. Итакъ въ Западной Европѣ ко времени вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II для общественнаго женскаго образованія сдѣлано было очень мало.

Но важно то, что къ этому времени тамъ сознана была лучшими людьми необходимость его, намѣчены были границы и опредѣлена цѣль его. Еще въ началѣ XIV в. юристъ Дюбуа предлагалъ англійскому королю Эдуарду I упразднить многіе женскіе монастыри и вмѣсто ихъ открыть для свѣтскихъ дѣвицъ училища и преподавать въ нихъ языки латинскій, греческій, еврейскій и арабскій, естественныя науки и медицину для того, чтобы окончившія въ нихъ образованіе отправлялись на востокъ, въ Св. землю, и выходя тамъ замужъ, были врачами и распространяли христіанство. Но его проектъ не былъ принятъ. Въ началѣ XVI в. Эразмъ Роттердамскій признавалъ образованіе необходимымъ для всякой женщины, какъ матери и супруги. «Супруги», писалъ онъ, «должны не только любить, но и уважать другъ друга. А какъ уважать женщину невѣжественную, праздную, лѣнивую? Обучать женщину рукодѣліямъ недостаточно; эти занятія нужны и полезны, но умъ въ нихъ не участвуетъ. Знаніе—вотъ лучшая гарантія нравственности и счастія, лучшее предохранительное средство отъ ошибокъ. Въ знаніи женщина найдетъ не только

защиту отъ праздности, но въ немъ мы имѣемъ орудіе провести въ душу молодой дѣвушки добродѣтель». Въ XVII в. славянскій педагогъ Амосъ Коменскій доказывалъ необходимость образованія женщинъ для ихъ добродѣтели и общаго блага. «Нѣтъ никакого основанія отстранять женскій полъ отъ ученія...; женщины такія же Божіи созданія и часто болѣе насъ одарены умственными способностями и воспріимчивостью къ образованію; за что же оставлять ихъ на азбукѣ и вырывать у нихъ книги изъ рукъ? Опасаемся ли легкомыслія? Но чѣмъ болѣе вложимъ мы въ нихъ мыслей, тѣмъ менѣе мѣста останется для легкомыслія; оно происходитъ отъ умственной пустоты». Въ этомъ же вѣкѣ были и другіе писатели и писательницы, особенно во Франціи (г-жи Скюдери и Севинье), доказывавшіе необходимость образованія для всякой женщины, а не для однѣхъ знатныхъ и богатыхъ; изъ нихъ выдѣляются по опредѣленности взгляда на цѣли и средства образованія женскаго, а также по своему вліянію на современниковъ, французскій аббатъ Флери, наставникъ принцевъ королевскаго дома, и аббатъ Фенелонъ, впослѣдствіи назначенный воспитателемъ сына дофина, герцога Бургонскаго, и архіепископомъ Камбрейскимъ. Флери въ своемъ сочиненіи: «Traité du choix et de la méthode des études» (1686 г.) говорилъ, что нужно обучать женщинъ религіи, внушая имъ правила нравственности, сообщать имъ основныя начала логики для упражненія въ мышленіи, обучать грамматикѣ для того, чтобы онѣ могли правильно читать, писать и составлять письма,

учить практически ариѳметикѣ, экономіи, уходу за больными, знакомя ихъ съ простѣйшими лѣкарствами, и давать имъ нѣкоторыя понятія изъ юриспруденціи; но онъ не признавалъ нужнымъ и полезнымъ для женщинъ изученіе математики, литературы, исторіи и даже языковъ, такъ какъ такія науки не примѣнимы въ ихъ жизни и могутъ развить въ нихъ лишь тщеславіе своею ученостью. Въ 1687 г. явилось сочиненіе аббата Фенелона: «О воспитаніи дѣвицъ» (Education des filles), переведенное въ XVIII в. и на русскій языкъ. Здѣсь онъ говоритъ о необходимости воспитанія и образованія дочерей съ раннихъ лѣтъ, потому что отъ нихъ, какъ будущихъ супругъ, матерей-воспитательницъ и хозяекъ дома зависитъ благосостояніе или разрушеніе семьи и цѣлаго государства. Намѣтивъ ту же программу женскаго образованія, что и аббатъ Флери, за исключеніемъ свѣдѣній изъ медицины, Фенелонъ признаетъ возможнымъ преподавать дѣвицамъ исторію, литературу, латинскій языкъ, музыку и пѣніе религіознаго характера и рисованіе въ примѣненіи къ женскимъ рукодѣліямъ, но все это съ большою осторожностью и больше для отвращенія дѣвицъ отъ чтенія комедій и романовъ. Чтобы развить умъ дѣвицъ, возвысить и облагородить душу, онъ указываетъ цѣлесообразные способы воспитанія, которые впрочемъ еще до него указаны были французскимъ философомъ Монтэнемъ (XVI в.) и Амосомъ Коменскимъ, а послѣ него англійскимъ философомъ Локкомъ. Воспитаніе онъ совѣтуетъ начинать съ нѣжнаго дѣтства, такъ какъ

этотъ возрастъ самый впечатлительный и въ немъ залагаются основы будущаго характера. Въ первые годы особое вниманіе слѣдуетъ обращать на здоровье: на выборъ пищи, на опредѣленные часы кормленія. Сообщать знанія на первыхъ порахъ должно не систематически, а при благопріятныхъ къ тому случаяхъ и вести все дѣло обученія наглядно, на фактахъ, примѣняя всѣ свѣдѣнія къ дѣлу и жизни, окружающей дѣтей. Къ ученью не слѣдуетъ принуждать, — нужно возбуждать любознательность дѣтей, учить между игрою, сообщать свѣдѣнія въ веселыхъ бесѣдахъ, сдѣлать вообще ученье пріятнымъ. Во всякомъ возрастѣ примѣръ оказываетъ большое вліяніе, а въ дѣтствѣ онъ въ состояніи сдѣлать все. Поэтому главнымъ средствомъ для нравственнаго воспитанія служатъ хорошій примѣръ окружающихъ, воспитателей, высокіе образцы добродѣтели. «Человѣкъ скоро перенимаетъ нравы и мысли того, кого любитъ». Поэтому нельзя обращаться съ дѣтьми очень строго и жестоко наказывать ихъ; слѣдуетъ возбуждать въ нихъ любовь и довѣріе къ себѣ, больше угрожать, чѣмъ наказывать, и если наказаніе необходимо, оно должно быть по возможности легкимъ, сперва — втайнѣ, затѣмъ уже въ присутствіи другихъ. Всякую дѣвочку нужно воспитывать сообразно съ ея званіемъ, будущимъ положеніемъ въ жизни. «Берегитесь, чтобы она не задавалась надеждами, выходящими изъ предѣловъ ея званія: нельзя воспитывать дѣвочку низшаго и средняго сословія, какъ дочь придворныхъ». Этимъ взглядамъ Фенелона слѣдовала

герцогиня Бовилье при воспитаніи своихъ дѣтей, а г-жа Мэнтенонъ проводила ихъ въ основанномъ ею Сенъ-Сирѣ; самъ Фенелонъ старался осуществить ихъ при воспитаніи сыновей дофина; ими воспользовалась впослѣдствіи Императрица Екатерина II и провела ихъ въ основанныхъ ею воспитательныхъ заведеніяхъ.

Слѣдовательно, въ Западной Европѣ хотя и мало было общественныхъ школъ для дѣвицъ и хотя всѣ онѣ, за исключеніемъ Сенъ-Сира, были школами грамотности, тѣмъ не менѣе сознана была необходимость болѣе широкаго и серіознаго женскаго образованія, намѣчена было его программа и установлены были педагогическія положенія для воспитанія и образованія дѣтей обоего пола.

Въ Россіи до Императрицы Екатерины II для общественнаго женскаго образованія ничего не было сдѣлано, не поднималось даже и вопроса о немъ. Въ древней Руси были въ небольшомъ количествѣ мужскія школы, въ которыхъ готовили священнослужителей и подьячихъ, дѣвицы же учились иногда дома или въ женскихъ монастыряхъ. Такъ, есть извѣстіе, что внучка Ярослава Мудраго, княжна-инокиня Янка (Анна) Всеволодовна въ 1086 г. основала въ Кіевѣ при Андреевскомъ монастырѣ женское училище. Въ второй половинѣ XII в. дочь полоцкаго князя Георгія Всеславича-Евфросинія, въ мірѣ Предслава (ум. въ 1173 г.), открыла при своемъ монастырѣ въ Полоцкѣ школу, въ которой учила родственницъ и знакомыхъ. Наконецъ, въ XIII в. Евфросинія (въ мірѣ Θеодосія; ум. 1250 г.), дочь черни-

говскаго князя Михаила Всеволодовича, замученнаго въ Ордѣ вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳеодоромъ, ученицею котораго она была, основала при Ризположенскомъ монастырѣ въ Суздалѣ женское училище. Вѣроятно, подобныя училища были и при другихъ женскихъ монастыряхъ. Въ нихъ, равно какъ и въ очень немногихъ домахъ князей и бояръ, все образованіе ограничивалось грамотностью: умѣньемъ читать церковныя книги, переписывать ихъ, церковнымъ пѣніемъ и рукодѣліемъ; больше же всего заботились о воспитаніи дѣвицъ въ духѣ благочестія и смиренія: учили «воздержанію и терпѣнію», «душевной чистотѣ и безстрастію тѣлесному, говѣнію благообразну, ступанію кротку, гласу смиренну, слову благочинну, яденію и питью безсловесну, при старѣйшихъ молчати, мудрѣйшимъ покореніе, мало вѣщати, а множайше разумѣти».

Въ XVII в., со временъ царя Алексѣя Михайловича, подъ вліяніемъ юго-западнаго образованія, въ Москвѣ и Новгородѣ открываются мужскія училища, даже академія, но для женскаго образованія ничего не было сдѣлано. Правда, благодаря вліянію проникавшаго въ Россію все болѣе и болѣе западно-европейскаго образованія, дочери царя — Софія и Наталья Алексѣевны изучаютъ дома уже польскій и французскій языкъ, переводятъ даже съ французскаго языка и пишутъ «комедіантскія дѣйствія;» но онѣ представляютъ изъ себя единичные и исключительные примѣры. Петръ Великій, много сдѣлавшій для образованія русскаго народа, имѣлъ въ виду образованіе мужское, для удовлетворенія насущ-

ныхъ потребностей государства, а не женское, такъ какъ женщина въ то время не могла отправлять обязанностей общественныхъ, не могла служить. То же было и послѣ Петра Великаго. Только при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1754 г. появился указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ и Москвѣ по одной школѣ для образованія повивальныхъ бабокъ. Такимъ образомъ и въ XVIII в. образованіе очень немногихъ дѣвицъ, преимущественно высшаго круга общества или духовенства, было по-прежнему домашнимъ или монастырскимъ. Но новыя условія жизни въ XVIII в. заставили измѣнить и характеръ домашняго образованія русскихъ дѣвицъ въ высшихъ классахъ общества. Со времени Петра Великаго русская женщина высшаго общества уже не можетъ вести уединенную жизнь затворницы въ теремѣ, какъ это было, начиная съ татарскаго ига; она должна уже появляться на ассамблеяхъ, балахъ, поддерживать здѣсь разговоръ съ иностранцами и образованными русскими, танцовать, иногда играть на клавесинѣ и пѣть. Поэтому и обученіе на дому русской дѣвицы высшаго круга уже не ограничивается грамотностью, пріобрѣтаемою у русскихъ «мастеровъ» и «мастерицъ», какъ было прежде; ее учатъ иностраннымъ языкамъ: нѣмецкому, французскому, иногда итальянскому и шведскому, игрѣ на клавесинѣ и танцамъ, стараются придать ей внѣшній лоскъ, умѣнье одѣваться и держаться въ обществѣ, а для этого нанимаютъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Такъ какъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ

сближенія съ Западной Европой и усвоенія внѣшнихъ формъ западно-европейской жизни, потребность въ внѣшнемъ лоскѣ и знаніи хотя бы одного иностраннаго языка (со времени Императрицы Елизаветы Петровны — французскаго) все болѣе увеличивается, то при Елизаветѣ Петровнѣ иностранцы, преимущественно французы и француженки, открываютъ частные пансіоны какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Въ нихъ обучаютъ, кромѣ французскаго, иногда и нѣмецкаго языка, географіи, исторіи, ариѳметикѣ, рисованію, музыкѣ и особенно танцамъ, а въ одномъ пансіонѣ (m-me Сиринъ) — «убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ». Всѣ они были открыты съ цѣлію наживы и не заслуживали названія учебно-воспитательныхъ заведеній. Кромѣ этихъ пансіоновъ, въ Москвѣ, Петербургѣ и остзейскихъ городахъ были и нѣмецкія школы для дѣвочекъ, но русскія дѣти учились въ нихъ очень рѣдко. Таково было состояніе женскаго образованія въ Россіи до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II. Оно было домашнимъ или монастырскимъ; было явленіемъ рѣдкимъ, преимущественно въ дворянскомъ и духовномъ сословіи; ограничивалось обученіемъ чтенію, а въ XVIII в. кромѣ того, изученіемъ иностранныхъ языковъ и пріобрѣтеніемъ внѣшняго лоска, — общественныхъ же женскихъ школъ не было.

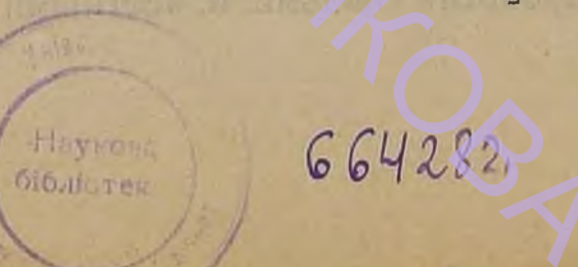
Несмотря на сближеніе Россіи въ XVIII в. съ Западной Европой, русское общество, не исключая и духовенства, относилось къ свѣтскому образованію и наукѣ недовѣрчиво и даже враждебно, считая ихъ вредными, тѣмъ болѣе, что русскіе юноши дворянскихъ семей, побывавъ въ Западной Европѣ, усваивали тамъ большею частію только свѣтскія манеры, умѣнье жить и одѣваться по модѣ, легкомысленное отношеніе къ вѣрѣ и нравственности и полное пренебреженіе ко всему родному, русскому. Поэтому русскіе писатели (Кантемиръ, Сумароковъ) обличали этихъ «петиметровъ» въ своихъ сатирахъ, духовенство нападало на свѣтскую науку, такъ что Кантемиру, а впослѣдствіи Ломоносову приходилось доказывать пользу науки и истинной образованности. Ломоносовъ въ 1760 г. включилъ даже въ число привиллегій проектируемаго имъ петербургскаго университета «обязать духовенство не ругать наукъ въ проповѣдяхъ». Такъ относились въ Россіи къ наукѣ и свѣтскому мужскому образованію, необходимому для государственной службы, о женскомъ же образованіи не поднималось и вопроса ни правительствомъ, ни обществомъ.

Императрица Екатерина II впервые сознала и доказала необходимость женскаго образованія, указала его цѣли и воспитательныя средства, основала женскія учебныя заведенія и положила такимъ образомъ прочныя основы для образованія русской женщины. Еще будучи великой княгиней, она интересовалась устройствомъ Сенъ-Сира, читала сочиненія Монтэня, Фенелона, Локка и усваивала себѣ ихъ взгляды на образованіе и воспитаніе. По вступленіи на престолъ, въ своихъ трудахъ на пользу просвѣщенія въ Россіи она нашла образованнаго

и дѣятельнаго помощника въ лицѣ Ивана Ивановича Бецкаго, который въ своихъ планахъ учреждаемыхъ вновь воспитательныхъ заведеній проводилъ взгляды самой Императрицы. Ея же мысли выражали въ своихъ педагогическихъ проектахъ тайный совѣтникъ Тепловъ и профессоръ московскаго университета Барсовъ, одни изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей того времени. Сряду же по восшествіи на престолъ и коронованіи въ Москвѣ, Императрица учредила въ 1763 г. 26 августа московскій воспитательный домъ для дѣтей обоего пола, въ слѣдующемъ году 5 мая «Воспитательное общество» для 200 благородныхъ дѣвицъ при Воскресенскомъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ (нынѣ - Смольный институтъ), 31 января 1865 г. при томъ же обществѣ - училище для воспитанія 240 мѣщанскихъ дѣвицъ. Такія же заведенія: «пенсіонные дома», или «воспитательныя академіи», для дѣтей обоего пола, Императрица намѣрена была учредить во всѣхъ областяхъ, и Тепловъ написалъ для этой цѣли свое «Мнѣніе о провинціальныхъ школахъ». Это были закрытыя учебно-воспитательныя заведенія для дѣвицъ (о мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ мы согласно нашей цѣли не говоримъ); но такія заведенія, содержавшіяся на средства государства, невозможно было открыть по всей Россіи, для всего народа, поэтому въ 1786 г. учреждены были народныя училища для приходящихъ учениковъ и ученицъ: *главныя*, состоящія изъ 4-хъ классовъ, въ губернскихъ городахъ, и *малыя* — въ городахъ двухклассныя, въ селахъ одноклассныя. Въ «Воспита-

тельномъ обществѣ» при Смольномъ монастырѣ, кромѣ 200 благородныхъ и 240 мѣщанскихъ дѣвицъ, воспитывавшихся на казенный счетъ, были и пансіонерки самой Императрицы, великаго князя Павла Петровича, И. И. Бецкаго, графа Орлова и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II изъ «Воспитательнаго общества» было произведено 7 выпусковъ, при которыхъ окончило курсъ 850 дѣвицъ, а всѣхъ, получившихъ въ это время воспитаніе въ Обществѣ, было 1316 дѣвицъ; въ народныхъ же училищахъ, учрежденныхъ, какъ было сказано выше, въ 1786 г., въ царствованіе Императрицы училось 12,565 дѣвочекъ,—количество громадное, если принять во вниманіе, что до вступленія ея на престолъ не было ни одной общественной женской школы!

Въ то время какъ на западѣ Европы рѣшали вопросы о томъ, нужно ли образованіе женщинѣ и какимъ оно должно быть: одинаковымъ ли съ мужскимъ, или особымъ, такъ сказать, женскимъ, для Императрицы Екатерины II, какъ женщины, достигшей высокой ступени развитія и образованія благодаря собственнымъ усиліямъ, самодѣятельности, подобныхъ вопросовъ не существовало: она ясно понимала обще-человѣческое право женщины на образованіе, ея важное значеніе въ семейной и государственной жизни; поэтому, по вступленіи на престолъ, стала учреждать одновременно какъ мужскія, такъ и женскія учебно-воспитательныя заведенія и въ основу тѣхъ и другихъ положила оди-

наковыя педагогическія начала, примѣнимыя къ воспитанію человѣка вообще, «дѣтей обоего пола», какъ говорилъ Бецкій. По ея мнѣнію, выраженному въ «Наказѣ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія», для благосостоянія государства и счастья каждаго въ отдѣльности гражданина, нужно исполнять законы, дѣлать только то, что согласно съ их духомъ; для этой цѣли необходимы знаніе законовъ, пониманіе ихъ духа и привычка подчиняться имъ, а то и другое возможно только для людей вполнѣ воспитанныхъ. Вслѣдствіе этого она стремится «привести въ совершенство воспитаніе». Взгляды ея на воспитаніе выражены въ «Наказѣ», въ «Инструкціи» князю Н. И. Салтыкову при назначеніи его воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, въ сочиненіяхъ для дѣтей, которыя были написаны ею для своихъ внуковъ и затѣмъ вошли во всеобщее употребленіе въ школахъ: въ сказкахъ о царевичахъ Хлорѣ и Февеѣ. «Гражданскомъ начальномъ ученіи», «Выборныхъ россійскихъ пословицахъ», «Запискахъ, содержащихъ въ себѣ разсказы и разговоры», а также въ планахъ Ив. Ив. Бецкаго. Въ мужскихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, основанныхъ Петромъ Великимъ, все вниманіе было обращено только на ученіе, на усвоеніе знаній, полезныхъ для государственной службы, на приготовленіе разнаго рода чиновниковъ, ученыхъ и художниковъ, но не заботились о воспитаніи физическомъ и нравственномъ, о томъ, чтобы будущіе чиновники и ученые были хорошими людьми и честными гражданами. Вслѣд-

ствіе этого Императрица Екатерина II обратила особое вниманіе на нравственное и физическое воспитаніе, учредивъ не учебныя только, какъ было раньше, а воспитательныя заведенія. «Искусство доказало», говоритъ Бецкій въ своемъ «Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества»: «что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, есть ли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены... Корень всему злу и добру воспитаніе». Такъ какъ при нравственномъ воспитаніи главное вліяніе на дѣтей имѣетъ примѣръ и воздѣйствіе родителей, а между тѣмъ благовоспитанныхъ вполнѣ родителей не было, то приходилось «произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, *новую породу*, или *новыхъ отцевъ и матерей*, которые бы потомъ въ состояніи были сами воспитывать въ благонравіи своихъ дѣтей». Для этого Императрицею учреждены были закрытыя воспитательныя заведенія. Въ нихъ принимались дѣти не старше шести лѣтъ и воспитывались впродолженіе 12 и болѣе лѣтъ, такъ чтобы, при выходѣ оттуда, имѣли уже вполнѣ сложившійся характеръ. Чтобы предохранить дѣтей отъ дурного вліянія, родители и близкіе родственники могли видѣться съ ними очень рѣдко и только въ присутствіи воспитывающихъ. Главное вниманіе при воспитаніи обращено было на облагороженіе души, на благонравіе: «должно вселять

въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобъ они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ: всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ», вотъ чего требовалъ «Наказъ» при новомъ воспитаніи. Всѣ эти качества должны были «вкореняться» при помощи примѣровъ воспитателей, ихъ наставленій, а не путемъ строгихъ карательныхъ мѣръ, которыя были въ ходу до этого времени. Съ дѣтьми слѣдовало обращаться гуманно, хвалить ихъ за доброе поведеніе, увѣщевать въ случаѣ ихъ ошибокъ и дѣйствовать на чувство стыда, побои же и всякія тѣлесныя наказанія строго запрещались. — Для жизни трудовой нужны тѣлесныя силы, здоровье, и потому и на воспитаніе физическое обращено было вниманіе. — Наконецъ, какъ результатъ развитія нравственныхъ и физическихъ силъ, у дѣтей должны были явиться бодрость, энергія, свѣтлый взглядъ на жизнь, или, говоря словами Бецкаго и Императрицы, *веселость, вольныя дѣйствія души, быть всегда веселу и довольну, пѣть и смѣяться»*, для чего и воспитатели должны быть не только благоразумны, кротки и искусны, но и дѣйствовать «наипаче съ непринужденною веселостью». Для той же цѣли должны были служить дѣтскія игры и развлеченія (между прочимъ ученическіе спектакли). Императрица ясно понимала, что для нравственнаго развитія необходимо и умственное, нужны и знанія, а для этого должно было изучать, кромѣ Закона Божія, роднаго языка и ариѳметики, исторію въ разныхъ ея видахъ, географію, иностранные языки, а также искусства: рисованіе, музыку, танцы, рукодѣліе и ремесла; но изученіе наукъ, по словамъ Императрицы, не должно было «отягощать незрѣлый умъ излишними понятіями», «отуманивать (голову) всякимъ хламомъ прошедшихъ временъ», чтобы не заглушить природной остроты ума и не образовать людей «натертыхъ умомъ и знаніемъ»; цѣль ученія — возбудить въ дѣтяхъ стремленіе къ самообразованію, «охоту къ чтенію книгъ какъ для собственнаго увеселенія, такъ и для происходящей отъ того пользы, такъ какъ въ книгахъ, особенно иностранныхъ, всегда изобилуютъ новыя изобрѣтенія по художествамъ», и чтеніе ихъ «образуетъ вкусъ, сердце, умъ». Возбуждать «къ обученію ревность», «приваживать дѣвицъ къ чтенію книгъ, «вперять

въ нихъ охоту» къ этому—вотъ самое важное при обученіи. «На часъ увѣщевати человѣка языкомъ, на вѣкъ книгою», говорится въ «Гражданскомъ начальномъ ученіи». Въ данномъ случаѣ Императрица судила по себѣ: не получивъ до 15 лѣтъ серіознаго образованія, она, прибывъ въ Россію, дополняла его самостоятельнымъ чтеніемъ и размышленіемъ о прочитанномъ. Вслѣдствіе этого при воспитательныхъ заведеніяхъ мужскихъ и женскихъ устроены были библіотеки.

Всѣ эти мысли о воспитаніи Императрица старалась осуществить въ учрежденныхъ ею воспитательныхъ заведеніяхъ; полнѣе же и основательнѣе онѣ проведены были въ «Воспитательномъ обществѣ» при Воскресенскомъ монастырѣ. На это были двѣ главныхъ причины: 1) въ этомъ обществѣ готовили дѣвицъ не къ службѣ государственной, какъ въ мужскихъ заведеніяхъ, въ родѣ кадетскаго корпуса, а къ жизни въ семьѣ и обществѣ, готовили не чиновниковъ разнаго рода, а будущихъ матерей и воспитательницъ, а для этой цѣли нужно было не спеціальное образованіе, а воспитаніе гуманное, общечеловѣческое, такъ сказать, вполнѣ соотвѣтствующее изложенному выше взгляду Императрицы на него; 2) это женское воспитательное заведеніе находилось подъ непосредственнымъ и (до 1784 г.) постояннымъ руководствомъ самой Императрицы, которая, какъ женщина, могла лучше понять нужды и цѣли женскаго воспитанія, глубже вникнуть въ него, сердечнѣе отнестись къ нему.

Разсмотримъ же устройство «Воспитательнаго общества», этого перваго женскаго воспитательнаго заведенія въ Россіи, единственнаго и образцоваго въ то время во всемъ мірѣ, чтобы видѣть, какъ общія педагогическія идеи примѣнены были Императрицею на дѣлѣ, къ женскому воспитанію въ частности.

Все «Воспитательное общество» состояло изъ двухъ заведеній: одного—для 200 «благородныхъ дѣвицъ», т. е. дочерей родовитыхъ дворянъ, которымъ, по выходѣ изъ заведенія, предстояло вращаться въ высшемъ обществѣ, другого — для 240 мѣщанскихъ дѣвицъ (скоро стали поступать сюда и «благородныя»); изъ него предполагалось выпускать благовоспитанную прислугу для воспитанія дѣтей дворянскихъ. Впрочемъ большой разницы въ воспитаніи и образованіи между ними не было: въ мѣщанскомъ отдѣленіи было проще и дешевле платье, обстановка и все содержаніе, больше обращалось вниманія на пріученіе къ рукодѣліямъ и меньше на искусства, имѣвшія въ виду сдѣлать изъ благородныхъ дѣвицъ «украшеніе общества; на первыхъ порахъ не изучались исторія, географія и словесныя науки, хотя впослѣдствіи (съ 1783 г.) программа обученія стала почти одинаковою для обоихъ отдѣленій. Внѣшнее устройство «Воспитательнаго общества» было взято изъ Сенъ-Сира; но внутренняя организація была самостоятельная и превосходила Сенъ-Сиръ. Принимались въ общество дѣти отъ 5 до 6 лѣтъ, когда они не могли еще вполнѣ усвоить недостатки семьи; на 12 лѣтъ родители должны были вполнѣ отречься отъ своихъ

дѣтей и могли только видѣться съ ними въ присутствіи ихъ воспитательницъ. Дѣти дѣлились не по классамъ, а по возрастамъ,—на 4 возраста, по 3 года въ каждомъ: отъ 6 до 9 лѣтъ, отъ 9—12, отъ 12—15 и отъ 15 до 18. Каждый возрастъ отличался и по платью и по объему курса. Платье 1-го возраста было кофейнаго цвѣта, 2-го — голубого, 3-го—сѣраго и 4-го бѣлаго. При воспитаніи «всякая излишняя нѣга вовсе была изгнана», пища была здоровая и обильная; обращено было вниманіе на провѣтриваніе и температуру воздуха въ спальняхъ, на продолжительность сна, на пользованіе банями, вообще—чистоту и опрятность, на гулянье и игры— въ саду въ время хорошей погоды, — въ особо устроенныхъ мѣстахъ въ время дурной. Для того, чтобы изъ воспитанницъ вышли хорошіе люди, нравственные и религіозные, кромѣ вліянія примѣровъ воспитательницъ, на первомъ планѣ во всѣ 12 лѣтъ стояло наставленіе въ Законѣ Божіемъ, «яко первое всему основаніе», и исполненіе религіозныхъ обязанностей, такъ что уставомъ предписывалось «за малѣйшее во время молитвъ или службы Божіей преступленіе строго поступать по возвращеніи въ покои, въ присутствіи всего того класса или при собраніи воспитываемаго общества, дабы стыдъ одной служилъ навсегда къ воздержанію другихъ отъ подобныхъ поступковъ». Кромѣ Закона Божія, предметами обученія въ 1-мъ возрастѣ были чтеніе, письмо и разговоръ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, первыя основанія ариѳметики, рисованіе, танцы, женскія рукодѣлія и, смотря

по дарованіямъ и наклонностямъ, «голосная» и инструментальная музыка; въ 2-мъ возрастѣ къ этому присоединялись географія и исторія, въ 3-мъ возрастѣ — «науки словесныя, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, также часть архитектуры и геральдики», стихотворство, а въ художествахъ не только рисованіе, но и миніатюра; 4-й возрастъ былъ практическій: воспитанницы занимались хозяйствомъ, рукодѣліемъ и обученіемъ дѣтей первыхъ двухъ возрастовъ. Больше всего при ученьи старались возбудить въ воспитанницахъ любознательность и охоту къ чтенію книгъ.—Но главное вниманіе обращено было на нравственное воспитаніе и тѣ качества, которыя нужны въ общественной жизни, иначе—на свѣтскія добродѣтели: «повиновеніе начальствующимъ, взаимная учтивость, кротость, воздержаніе, равенственное въ благонравіи поведеніе, чистое, къ добру склонное и праводушное сердце, а напослѣдокъ благороднымъ особамъ приличная склонность и великодушіе, однимъ словомъ— удаленіе отъ всего того, что гордостью и самолюбіемъ назваться можетъ». Чтобы развить въ дѣтяхъ чувство состраданія, «соболѣзнованіе о бѣдныхъ и несчастныхъ», съ 1768 года положено было устраивать столы для ста нищихъ женскаго пола, и всѣ воспитанницы должны были имъ прислуживать «въ знакъ человѣколюбія къ ближнему и благодѣянія къ бѣднымъ», на что отпускалось 50 р. въ годъ. Для пріученія къ «домостроительству», воспитанницы, начиная съ 3-го возраста, должны были сами

шить себѣ платья, бѣлье, вязать себѣ чулки и приготовлять «прочей уборъ», назначались поочереди на кухню «въ поварни», съ 4-го же возраста обязаны были, кромѣ того, «вести записку расходамъ (въ «Воспитательномъ обществѣ»), какіе бы ни были, донося объ оныхъ г. начальницѣ; договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлать расчетъ и при себѣ платежъ производить; опредѣлять цѣну всякому товару по качеству онаго; а наипаче смотрѣть, чтобы во всемъ наблюдаемъ былъ совершенный порядокъ и чистота». Для пріобрѣтенія качествъ хорошихъ воспитательницъ, воспитанницы 4-го возраста поочередно (каждый день по двѣ) обучали дѣтей первыхъ двухъ возрастовъ «Учтивости, ловкости и благопристойности, которая замыкается и соединяется во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкѣ, движеніи и проч., доброй походкѣ и наружности, ничѣмъ лучше выучиться не можно, какъ танцованіемъ»; поэтому на танцы было обращено большое вниманіе. Чтобы служить обществу «украшеніемъ», воспитанницы, кромѣ танцевъ, учились музыкѣ и пѣнію, искусству писать стихи, декламировать и разыгрывать роли въ драматическихъ піесахъ, для чего по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ устраивались въ «Воспитательномъ обществѣ» спектакли «драматической или пасторальной игры», концерты и танцовальные вечера, на которые пріѣзжали изъ города дамы, «кавалеры» и другіе «почтительные люди»; здѣсь воспитанницы 3-го и 4-го возраста играли роль любезныхъ и гостепріимныхъ хозяекъ и практически подготовлялись

къ тому положенію, которое ожидало ихъ въ обществѣ. Всѣхъ воспитанницъ старались уравнять въ правахъ и составить изъ нихъ дружную общину сестеръ. Съ ними обращались гумманно, сердечно, и въ свободное отъ занятій время онѣ вступали съ наставницами своими въ «вѣжливые разговоры» (на иностраномъ языкѣ), высказывая свои мысли «съ пристойною вольностью». Для образованія «новой породы» благовоспитанныхъ дѣвицъ при помощи хорошихъ примѣровъ и наставленій, въ Россіи не было достойныхъ воспитательницъ, а потому Императрица приглашала ихъ изъ Западной Европы, выбирая ихъ съ большою осторожностію, а начальницею «Воспитательнаго общества» въ продолженіе 30 лѣтъ была вдова генерала русской службы Софья де-Лафонъ, на которую указалъ Императрицѣ И. И. Бецкій. По словамъ бывшей воспитанницы Общества г. Ржевской, она была кротка, умна, веселаго нрава, съ большими знаніями и пользовалась довѣренностью и любовію дѣтей.

Основавъ первое въ Россіи женское воспитательное заведеніе, равнаго которому не было въ то время въ Западной Европѣ, назначивъ на содержаніе его большія денежныя суммы изъ государственной казны, воспитывая въ немъ и на свой счетъ пансіонерокъ и своимъ примѣромъ побудивъ къ тому же свою царственную семью и вельможъ, Императрица Екатерина II принимала самое живое участіе въ всѣхъ дѣлахъ своего любимаго дѣтища: наблюдала за правильнымъ исполненіемъ данныхъ ею инструкцій, часто пріѣзжала въ «Воспитатель-

ное общество» не только въ торжественные дни, но и «обыденкою» (въ будни), бывала на драматическихъ представленіяхъ и балетахъ, устраиваемыхъ для нея воспитанницами, и вела съ ними переписку. По словамъ Императрицы, воспитанницы въ своихъ письмахъ къ ней говорили «все, что придетъ въ голову» («Vous dites tout ce, qui vous vient dans la tête»), приглашали ее къ себѣ, упрекали, если она долго не пріѣзжала къ нимъ, и писали иногда ей всякую галиматью («tant d'autres galimatias»); письма эти бывали иногда такъ длинны и написаны такъ мелко, что Императрица писала въ шутку одной изъ воспитанницъ—Левшиной: «вы введете меня въ расходъ: черезъ шесть мѣсяцевъ я буду принуждена купить себѣ очки, чтобы читать ваши письма». Въ своихъ отвѣтахъ на нѣкоторыя изъ этихъ писемъ Императрица выражала къ воспитанницамъ истинныя материнскія чувства, называя ихъ разными ласкательными именами и шутливыми прозвищами: «черномазая Левушка» (Левшина, впослѣдствіи княгиня Черкасская), «Алимушка» (Алымова, впослѣдствіи — Ржевская), «цесарками», прося поклониться отъ нея «мелюзгѣ коричневой» («les marmailles brunes»), «приласкать голубыхъ малютокъ» («les marmots bleux»), «обнять сѣрыхъ сестеръ» («les soeurs grises») и «обвиться руками вокругъ шеи бѣлыхъ пилигримокъ, ея самыхъ старыхъ друзей» («de jeter les bras au cou de pelerines blanches, mes plus anciennes amies»). Объ этихъ письмахъ воспитанницъ Императрица съ удовольствіемъ писала Вольтеру, говоря, что въ нихъ хотя «очень много дѣтскаго», но тѣмъ

не менѣе «въ каждой строкѣ видна, рядомъ съ невинностью, пріятность и веселость ихъ ума», и просила его прислать ей для театра воспитанницъ такія піесы, которыя не возбуждали бы «страстей», не были бы пошлы, чтобы не испортить ихъ вкуса. Стараясь сдѣлать жизнь ихъ въ «Воспитательномъ обществѣ» счастливою, она заботилась и объ ихъ будущемъ: каждой воспитанницѣ при выпускѣ назначалось небольшое приданое; за судьбою ея Совѣтъ, управлявшій дѣлами «Воспитательнаго общества», долженъ былъ слѣдить и, въ случаѣ нужды, принимать въ ней дѣятельное участіе. Неудивительно поэтому, что и воспитанницы боготворили Императрицу и при всякомъ случаѣ выражали ей горячую, неподдѣльную любовь. Такъ, Хрущова, при посѣщеніи Смольнаго въ 1777 г. 24 іюня шведскимъ королемъ Густавомъ, произнесла стихи въ честь Императрицы и, при упоминаніи ея имени, невольно расплакалась. Густав называетъ въ своемъ письмѣ къ воспитанницамъ все, видѣнное имъ въ Смольномъ, «единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ, за которое справедливое и безпристрастное потомство будетъ во всѣ вѣка прославлять память Екатерины».

Вообще нужно сказать, что воспитаніе и образованіе, какъ наилучшія средства сдѣлать народъ счастливымъ, стояли у Императрицы Екатерины II во главѣ всѣхъ ея славныхъ дѣлъ и она посвятила имъ много трудовъ. Учреждая въ 1786 г. народныя училища для дѣтей обоего пола, она всесторонне обсудила и выбрала наилучшую въ то время въ

Западной Европѣ систему ихъ, сама сочиняла дѣтскія книги, собирала и изучала учебныя руководства и пособія, просматривала и исправляла азбуку, классныя таблицы, учебники грамматики, исторіи русской, всеобщей и естественной, географіи, — жаловала изъ своей шкатулки деньги на изданіе учебныхъ книгъ по дешевой цѣнѣ, и своими трудами положила основаніе народному образованію въ Россіи.

Немногіе просвѣщенные русскіе вельможи и писатели понимали важное значеніе трудовъ Императрицы Екатерины на пользу образованія вообще и женскаго въ частности и сочувствовали имъ, большинство же русскаго общества не интересовалось ими и даже относилось къ нимъ враждебно. Г. Чудихина въ комедіи Императрицы: «О время» и г. Простакова въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина вполнѣ выражаютъ мнѣніе этого большинства. «На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ... Да полно что! нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... Быть добру!» говоритъ г. Чудихина. «Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!» вторитъ ей въ «Недорослѣ» г. Простакова.

По смерти Императрицы Екатерины II дѣятельность ея на пользу женскаго образованія ревностно продолжали Императрицы: Марія Θеодоровна, Александра Θеодоровна, Марія Александровна, а съ 60-тыхъ годовъ въ ней принимаютъ горячее участіе, кромѣ Особъ Царствующаго Дома, Министерство Народнаго Просвѣщенія и русское общество.

Прошло сто лѣтъ со времени кончины великой Государыни, и въ пользѣ женскаго образованія теперь уже не сомнѣваются въ Россіи;—напротивъ — стѣны многочисленныхъ женскихъ учебныхъ заведеній разнаго типа не могутъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ учиться; но самымъ нагляднымъ доказательствомъ важнаго значенія дѣятельности Императрицы Екатерины II на пользу женскаго образованія въ Россіи и въ то же время самымъ величественнымъ памятникомъ ея служитъ то, что вы здѣсь, въ стѣнахъ гимназіи города, основаннаго ею, въ состояніи понять значеніе ея педагогической дѣятельности, усвоить ея взгляды на воспитаніе, не потерявшіе значенія и до настоящаго времени, и отдать ей должную дань благоговѣйной признательности, въ которой отказывали ей русскія женщины того времени.

Пусть же неустанное служеніе ея дѣлу воспитанія и гуманное и сердечное отношеніе ея къ дѣтямъ будутъ и для васъ примѣромъ въ предстоящей вамъ дѣятельности!

Вс. Соколовъ.

